

Б. Островский

СОХРАНИЛИСЬ ЛИ В БЕЛОРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ ОКРЕСТНОСТЕЙ МОГИЛЕВА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СРЕДНЕГО И МУЖСКОГО РОДА ОСНОВ НА *-ĭ-?

Проводимые уже более века в широком масштабе замечательными языковедами исторические и сравнительные исследования славянских языков дали много не подлежащих сомнению выводов и решений. В предпринимаемых в настоящее время детальных исследованиях остается все меньше места для сенсационных открытий. Некоторое поле для последних предоставляют исследователям работы из области истории лексики, поскольку появляющиеся время от времени новые диалектные словари нередко позволяют верифицировать более ранние выводы, особенно на тему первоначального территориального распространения конкретной лексемы или определенного словообразовательного типа, иногда они также дают более широкую, чем прежде, основу для реконструкции наиболее вероятной (достоверной) фонетической или морфологической праформы слова (принадлежность к соответствующему типу склонения).

В ходе моей работы над проблемой развития и эволюции славянской¹ флексии основ на *-ĭ- (главным образом субстантивной) имело место как раз настолько волнующее событие, что я хотел бы о нем рассказать.

Во время одной из бесчисленных, но при этом необыкновенно интересных встреч со множеством диалектных словарей и монографий я наткнулся на прямо-таки поразительный, с моей точки зрения, материал. Содержит его “Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны” И.К. Бялькевича (редакторы Н.В. Бирилло и А.А. Кривицкий) (далее – Бялькевіч) – один из многих эксцерпируемых мною словарей белорусских диалектов. В этом словаре, содержащем около 20 тысяч слов и представляющем лексический фонд восточного белорусского говора окрестностей Могилёва в третьем десятилетии двадцатого столетия, находим следующие записи:

гаць, -і н. ‘гаць, грэбля’ (‘гать, плотина’) (Бялькевіч 134);

ярь, -і н. ‘яравыя пасевы’ (‘яровые посева’) (Бялькевіч 509).

Квалификаторы, помещаемые около существительных, указывают на их грамматический род, следовательно сокращение “н.” около приведенных выше слов должно информировать нас об их принадлежности к категории существительных среднего рода (ср.: н.=назоўнік ніякага роду, Бялькевіч 15). Насколько одна из этих помет могла некоторым образом вызывать определенные сомне-

ния, настолько две привели меня в некоторое удивление и даже изумление. Ибо здесь следует напомнить, что до сих пор ни в одном памятнике славянской письменности и ни в одном славянском языке (будь то в литературном или в его диалектах) не обнаружено прямых свидетельств наличия существительных среднего рода основ на *-ī-².

Несколько иначе выглядит ситуация с существительными мужского рода основ на *-ī-. Процесс ассимиляции этой категории существительных, представленной ограниченной в количественном отношении группой слов, существительными, продолжающими старую флексию основ на *-jo, имел место уже в историческую эпоху. По этой причине процесс происшедших здесь изменений оказалось возможным восстановить на основе анализа конкретных данных, содержащихся в памятниках письменности. Исключительно полезными в этом вопросе оказались также диалектные факты. Сейчас не время для подробных отступлений, однако эту мысль следует завершить одной констатацией: существительные мужского рода, восходящие к старому склонению на *-ī-, оказались (почти бесследно) вытеснены из системы славянских языков. Кроме немногочисленных исключений.

На связь именно с этой, теперь уже необычайно редкой, категорией слов указывают квалификаторы м. = назоўнік мужчынскага роду (Бялькевіч 15), помещенные около четырех существительных, содержащихся в словаре могилевского говора. Они таковы:

асэць, -і м. 'сушылня ў гумне [з падвальнай печчу]' ('род сушильни в риге') (Бялькевіч 59);

дроб, -і м. 'дроб' ('дробь (ружейная)') (Бялькевіч 157);

пéчынь, -і м. 'печань' ('печень') (Бялькевіч 326), а также

пóвыль, -і м. 'поваль, павалены лес' ('поваленные деревья, дрова') (Бялькевіч 334).

Если ограничиться исключительно этими данными, можно было бы провозгласить тезис о сохранении довольно внушительной группы существительных уже почти полностью отмершей категории, восходящих к праславянскому склонению основ на *-ī-, причем не только мужского рода, но и (что особенно интересно!) среднего. Дополнительным аргументом, свидетельствующим в пользу такого заключения, мог бы быть факт сосуществования всех приведенных здесь "архаичных" слов в одном и том же говоре. Это обстоятельство, как могло бы казаться, должно лишь повысить степень вероятности выдвинутого предположения. Однако, с другой стороны, результаты имеющихся до сих пор исследований (отсутствие реально засвидетельствованных в славянских языках существительных среднего рода и отмирание категории существительных мужского рода в склонении основ на *-ī-) заставили нас провести более внимательный анализ этих фактов.

К счастью, словарь Белькевича не ограничивается приведением сухих грамматических сведений и снабжением отдельных заглавных

слов квалификаторами, но приводит также примеры их употребления в контексте. Так приглядимся же к ним внимательнее.

Существительное *гаць* иллюстрируется следующим примером: **Ету гаць** толькі б пераехыць, а там будзіць добрыя дарога (Бялькевіч 134), слово *ярь*, в свою очередь, приводится в двух контекстах: Пайду пыгляжу, як-то *ярь* сёліта красуецца, а также Покуль што атпачываем: жыта дыжалі, а *ярі* няма **сьпелай** (Бялькевіч 509). Примеры употребления четырех остальных слов таковы: Аўса нысадзілі **цэлую асець**, Малыя пыдлазьзя ў **тваей асеці**, а также **Поўную асець** снапоў нысадзілі (Бялькевіч 59), Паедзім у лес, нысыбіраім *повылі* на дровы, а также Столькі насклі лесу, цяпер нада **ету** *повыль* сыбіраць (Бялькевіч 334), Купіў сабе *дробі*, як гарох; порых маю, цяпер будзіць чым стрыляць (Бялькевіч 157) и наконец Сяньня матка зваріла **кароўській печынь** (Бялькевіч 326).

Приведенные примеры предоставляют в наше распоряжение довольно много новых, необычайно существенных сведений, и именно благодаря им в большинстве случаев мы можем внести коррективы в сделанные ранее предположения. Итак, значительная часть приведенных в словаре Белькевича родовых квалификаторов представляется ошибочной. Это утверждение формулируется исходя из представленных фактов, то есть на основе определяющих отдельные существительные местоимений или прилагательных, выполняющих в этих словосочетаниях функцию определения. Такие сочетания как **ету гаць** или *ярі сьпелай* не могут оставить даже тени сомнения в том, что мы имеем здесь дело с существительными женского рода, а не – как внушают нам квалификаторы – среднего.

Среди представленных выше четырех остальных слов по меньшей мере два являются в действительности существительными женского рода, а не – как нужно было бы думать на основании помещенного около них квалификатора – мужского. Об этом неопровержимо свидетельствует согласование в данном сочетании слов. На основании анализа такого сочетания мы можем безошибочно установить грамматический род существительного, так как находящееся рядом с ним определяющее слово должно в данном случае согласоваться по категории рода. Таким образом, примеры *тваей асеці* и **поўную асець**, а также **ету** (!) *повыль* безошибочно указывают на женский род представленных в этих сочетаниях существительных.

Дело значительно усложняется, когда на основании контекста мы не можем делать вывода о грамматическом роде слова, как это имеет место в случае с существительным *дроб*. Единственный помещенный в словаре восточной Могилевщины контекст употребления слова – *купіў сабе дробі* – дела до конца не проясняет. Разумеется, основываясь на нем, мы можем однозначно определить падеж и число интересующего нас существительного (мы имеем здесь дело с родительным

падежом единственного числа), но мы не в состоянии однозначно определить, имеем ли мы здесь дело с существительным мужского рода (как следовало бы судить по помещенному около слова квалификатору “мужской род”) или, может быть, все-таки с существительным женского рода (учитывая представленные выше погрешности), так как флексия склонения на *-ĭ- в данном падеже была идентичной для существительных обоих родов. Представленные в некоторых славянских языках соответствия мнимого могилевского архаизма (континуанты той же самой праславянской формы **drobь*) зафиксированы в женском роде³. Однако это не должно означать, что именно они непосредственно сохраняют первичный род праслова, поскольку, как известно, во всех славянских языках в результате процессов унификации и упрощения системы флексий произошло вытеснение из системы первоначальных существительных мужского рода основ на *-ĭ-. Некоторые из них, сохраняя первичный грамматический род, дополнили ряды существительных, восходящих к старому склонению основ на **-jo-* (главным образом существительные, обозначающие виды животных и растений), в свою очередь, другие, а именно те, для которых фактор рода не был важным критерием классификации мира, оставаясь в том же самом склонении, изменили род на женский⁴. Так является ли могилевское существительное *дроб* континуантом сохранившейся в здешних говорах архаичной формы мужского рода славянской лексемы, или мы имеем здесь дело, скорее, с явлением иного рода (ошибкой автора или редактора или же опечаткой), – на этот вопрос мы не можем дать однозначного ответа. Если принять во внимание столь, надо сказать, многочисленные погрешности при ранее представленных словах этой группы, а также отсутствие возможности установить грамматический род белорусского диалектного *дроб* на основании контекста, можно было бы – почти со стопроцентной уверенностью – признать и эту лексему существительным женского рода, продолжающим старую флексию основ на *-ĭ-.

Однако в выясняющуюся – могло бы показаться – картину мнимых существительных основ на *-ĭ- в могилевских говорах вносит немалую сумятицу единственный, но весьма существенный факт. Так вот, последнее из нашей группы существительное – *печынь* – было употреблено с определением **кароўскі́й** (прилагательное мужского рода), что указывает на правильность помещенного около него квалификатора “м.”, а приведенное окончание *-i*, свойственное старому родительному падежу единственного числа, убеждает нас, что в этом конкретном случае мы действительно можем иметь дело с существительным, продолжающим старое склонение мужского подтипа существительных основ на *-ĭ-.

Это последнее заключение позволяет присоединить могилевские говоры к совокупности тех уже немногочисленных славянских

диалектов, в которых до нынешнего времени сохранилось архаичное мужское склонение существительных, восходящее своими корнями к старому склонению основ на *-ī-.

Эту констатацию, сделанную после внимательного анализа данных и сравнения следующих из него выводов с более ранними заключениями, только отчасти можно назвать исследовательским успехом.

Ибо определенные сомнения остаются по-прежнему, а это не дает чувства полного удовлетворения проведенными исследованиями. Продолжает беспокоить вопрос, на каком уровне возникли описанные выше погрешности или неточности. Являются ли они делом рук автора, недосмотром со стороны редакторов тома или, может быть, типографским упущением, что, по моему убеждению, учитывая сравнительно большое количество ошибок одного и того же типа, наименее вероятно, но не исключено. Чтобы выяснить истину, надо было бы добраться или до рукописи автора, или до замечаний редакторов тома. Пока это не будет сделано (а задача это нелегкая, и не знаю, выполнимая ли вообще), будет невозможно дать однозначный ответ на продолжающие беспокоить нас вопросы.

Хотя словари и являются неиссякаемым источником, а диалекты – сокровищницей чрезвычайно редких, а часто – прямо-таки исключительных в разных отношениях (будь то в фонетическом, морфологическом или словообразовательном) слов, но задача лексиколога или этимолога – следить за тем, чтобы осмотрительно и умело пользоваться этим изобилием. Некритическое принятие помещенных около отдельных заглавных слов ошибочных квалификаторов или сведений, имеющих неясный для нас источник, – что я старался в этой статье показать – могло бы привести к неправильным выводам. В конечном результате получилось бы хотя и непреднамеренно, но искаженное изображение исследуемого фрагмента языковой действительности.

Ответ на поставленный в заглавии вопрос “сохранились ли в белорусских диалектах окрестностей Могилева существительные среднего и мужского рода основ на *-ī-?” может, таким образом, быть утвердительным лишь наполовину. Нет ни малейших оснований для того, чтобы доискиваться существительных среднего рода в исследуемых говорах. Зато несомненно, что до нашего времени сохранились следы старого мужского склонения основ на *-ī-, о чем бесспорно свидетельствует существительное *печынь* (< **рець*) и – может быть – *дроб*.

Примечания

¹ Особенно восточнославянской.

² Имеются лишь определенные следы, указывающие на наличие, по меньшей мере в древнейший период бытования славянской общности, существительных среднего рода основ на *-ī-. Одним из них является существительное **širdьce* (со структурным суффиксом *-kǎ*, наслонившимся на исходную форму **širdь*, ср. лит. *širdis* f., однако следует обратить внимание на то, что в литов-

ском категория среднего рода утрачена). Другим таким существительным среднего рода основ на *-ī-, по мнению С.Б. Бернштейна (*Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы.* М., 1974, 254–255), могло быть праслав. слово **dobъ*. О деталях см.: *Ostrowski B. Prastowiańska deklinacja *-ī-tematowa w świetle danych innych języków indoeuropejskich // Studia etymologica Brunensia 1. Brno, 2000, 96–98.*

³ Соответствующий славянский материал см.: ЭССЯ 5, 121 (s.v. **drobъ*) и *Słownik prastowiański IV, 248: drobъ* (s.v. *drobъ 2: drebъ: droba f.: drobъ*).

⁴ В отдельных языках (а иногда даже в пределах одного и того же диалекта) функционируют параллельно (или же функционировали некогда, пока не победила одна из них) формы как мужского, так и женского рода одного и того же слова. Это свидетельствует о борьбе между двумя данными тенденциями.

Перевел с польского А.А. Калашиников

А.К. Шапошников

ТРИ АРЕАЛА АРИЙСКИХ ЯЗЫКОВЫХ РЕЛИКТОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Этой работой автор надеется открыть серию публикаций о различных группах языковых реликтов из Северного Причерноморья. Репертуар языковых реликтов этого ареала необычайно богат. Здесь отмечены древние географические, родоплеменные и собственные имена кельто-иллирийского, фракийского, прабалтийского, греческого, тохарского, армянского, германского и общеславянского происхождения.

Уже сейчас достаточно известны многочисленные языковые следы туранской (восточно-иранской) и арийской (индоарийской) принадлежности в Северном Причерноморье. Индоарийские языковые реликты выбраны лишь ввиду значительной разработанности и готовности к публикации данного языкового материала.

Северный Кавказ (Maеotis Sindica)

Ареал реликтовой индоарийской ономастики на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье был определен уже в XIX в.¹ В XX столетии эта тема разрабатывалась такими крупнейшими языковедами как П. Кретчмер² и О. Трубочев³.

Уже описанный прежде синдо-меотский ономастический материал, сам по себе способный служить неопровержимым доказательством факта пребывания носителей индоарийских диалектов на Северо-западном Кавказе, в Прикубанье и Приазовье, изрядно дополняется примерами заимствованной апеллативной лексики индоарийского происхождения в северокавказских (абхазско-адыгских [черкесских] и восточно-кавказских) языках и в осетинских диалектах.